



DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-716-733

EDN: KIXIRF

Информационно-цифровая трансформация повседневности в экспертных оценках и в восприятии массовым сознанием (казахстанский кейс)*

В.Ю. Дунаев, В.Д. Курганская, А. Сагикызы, З.К. Шаукенова

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки,
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан
ул. Курмангазы, 29, Алматы, 050010, Республика Казахстан,

(e-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz; vkurganskaya@mail.ru;
ayazhan@list.ru; zarema_13@bk.ru)

Аннотация. Сегодня информатизация и цифровизация выступают безальтернативным мегатрендом инновационных общественных преобразований, однако стремительное развитие и глобальное распространение цифровых информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) порождает сложные многоплановые проблемы и неоднозначные последствия. Восприятие массовым сознанием повседневности как непосредственно данной, самоочевидной, первопорядковой реальности, каковой она была в недавнем прошлом, меняется — в современном информационном обществе повседневность превращается в сферу стратегической нестабильности, фундаментальной неопределенности и принципиальной непредсказуемости. В статье обозначены особенности восприятия и оценки массовым сознанием влияния процессов информатизации и цифровизации на повседневную жизнь казахстанцев. Статья основана на данных социологических исследований, проведенных в 2024 году компанией «BRIF Research Group» по заказу Института философии, политологии и религиоведения методами массового опроса (стандартизированное интервью, N=2000, ошибка выборки — 2,19%) и экспертных интервью (N=102 — руководители, работники, IT специалисты государственных и местных органов власти и различных организаций, работники научно-исследовательских институтов и преподаватели университетов по дисциплинам социального, гуманитарного и информационно-технологического профиля, блогеры и журналисты). В статье охарактеризованы ключевые аспекты и основные направления влияния информатизации и цифровизации на повседневную жизнь казахстанского общества, сгруппированные следующим образом: проблема влияния цифровых технологий на казахстанское общество и контексты ее социологического анализа; глобальные мегатренды развития информационного общества и его особенности в Казахстане; влияние цифровых технологий на межкультурные взаимодействия; качественные изменения субъекта трансформации общественной среды в условиях цифровизации. Результаты исследования суммируют позитивные и негативные оценки массовым сознанием и экспертным сообществом разных направлений и аспектов информатизации повседневной жизни казахстанского общества.

*© Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Сагикызы А., Шаукенова З.К., 2025

Статья поступила в редакцию 25.07.2025. Статья принята к публикации 14.10.2025.

Ключевые слова: информация; цифровизация; повседневность; Интернет; социальные сети; искусственный интеллект; массовое сознание; экспертное сообщество; казахстанское общество

Для цитирования: Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., А. Сагикызы, Шаукенова З.К. Информационно-цифровая трансформация повседневности в экспертных оценках и в восприятии массовым сознанием (казахстанский кейс) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4. С. 716–733. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-716-733>

Информатизация и цифровизация стали безальтернативным мегатрендом инновационных преобразований в социально-экономической, политической, научно-образовательной и культурной сферах современного общества. Внедрение информационно-цифровых технологий становится обязательным компонентом функционирования системы жизнеобеспечения общества, ключевым ресурсом позитивной социальной динамики, важнейшим показателем качественного уровня социальной инфраструктуры, определяющим фактором трансформации повседневного образа жизни, влиятельным источником изменения структуры ценностных ориентаций и предпочтений граждан. Вместе с тем стремительное развитие и глобальное распространение цифровых ИКТ порождает сложные многоплановые проблемы и влечет за собой неоднозначные последствия. Трансформация общества в соответствии с алгоритмами конструирования цифровой реальности усиливает социальную фрагментацию, генерирует новые формы отчуждения, изоляции и неравенства в доступе к ресурсам в сфере экономики, образования, здравоохранения, досуга и рекреации, политического участия и т.д. Цифровые технологии, радикально повышающие комфортабельность социальной среды, стали фактором расширенного воспроизводства потребительски-гедонистической мифологии техногенной цивилизации.

Неотвратимость эволюции общества в формате всеобъемлющей цифровизации воспринимается и постулируется в научном и общественном дискурсе как нечто должное. Но действительно ли цифровизация всех сфер деятельности человека выражает насущные потребности и интересы большинства членов общества [14. С. 40]? Или же нас в буквальном смысле «продали» цифре как универсальной панацее от всех бед, и слишком часто повседневная жизнь в цифровых метавселенных протекает в ущерб аналоговому, основополагающему опыту того, что значит быть человеком. По сути, все мы страдаем стокгольмским синдромом по отношению к цифровым инструментам и технологиям: мы их не только принимаем, но и адаптируемся к ним, они очаровывают нас, и мы подчиняемся их (спроектированным) желаниям, а затем отстаиваем их интересы, в итоге нам фактически нужны все новые технологии, чтобы избавиться от зависимости от технологий [19].

Для поиска обоснованных ответов на поставленные вопросы в статье проанализированы данные социологических исследований, проведен-

ных в июне — июле 2024 года компанией «BRIF Research Group» по заказу Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Выборка массового опроса, проведенного методом стандартизированного интервью, составила 2000 человек (18+; квоты по национальности, полу и возрасту; все области Казахстана и города Астана, Алматы, Шымкент; ошибка выборки — 2,19 %). В экспертном опросе приняли участие 102 респондента — руководители, работники, IT специалисты государственных и местных органов власти и организаций с опытом работы в digital-проектах; работники научно-исследовательских институтов и преподаватели университетов в области социальных и гуманитарных дисциплин (культурологи, психологи, социологи), научные работники и преподаватели в области информационных технологий, больших данных, искусственного интеллекта; блогеры, журналисты.

Говоря о тематике опросов, отметим, что, во-первых, внедрение информационно-цифровых технологий в различные сферы функционирования общества протекает с разной скоростью, интенсивностью и масштабируемостью, имеет выраженную региональную специфику; во-вторых, неочевидны объективные критерии оценки уровня информатизации и цифровизации. Ш. Хан предлагает различать следующие понятия: оцифровка (*digitization*) — технологический процесс перевода аналоговой информации в цифровой формат; цифровизация (*digitalization*) — внедрение цифровых технологий в функционирование организаций и институтов, отраслей и рынков; цифровая трансформация (*digital transformation*) — глобальный процесс технической адаптации индивидов, групп, сообществ и наций как результат цифровизации [20. С. 6–8].

Соотношение процессов оцифровки, цифровизации и цифровой трансформации принимает разнообразные формы, не вписывающиеся в рамки линейной зависимости. Например, в утвержденной правительством Казахстана Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы приводятся данные, что лидером в системной оцифровке данных является сфера образования (81 %), а наименьший объем оцифрованных данных приходится на бизнес (13 %) и науку (2 %) [7]. Однако опрос экспертов показал иное влияние цифровизации на эти сферы (табл. 1): по мнению экспертов, влияние цифровизации на лидера и аутсайдера оцифровки данных в Казахстане — образование и науку — практически идентично. Причем если степень оцифровки данных может быть оценена по строго объективным критериям, то применительно к цифровизации и цифровой трансформации эти критерии в значительной степени субъективны. Наименьшее влияние цифровизация, по мнению экспертов, оказывает на гуманитарные сферы — все они оказались в нижней части таблицы.

Кроме того, воздействие информационно-цифровых технологий на инфраструктуру общества, формирующие социальные механизмы, условия и контексты повседневной жизни, носит не только разнонаправленный, но и амбивалентный характер. Эксперты продемонстрировали значительное единодушие в оценке ряда направлений применения информационно-цифровых технологий (табл. 2), однако в отношении целого ряда пунктов предложенного им перечня мнения экспертов разделились, иногда практически поровну.

Таблица 1

Оценка влияния цифровизации (эксперты), %

Области влияния	В незначительной степени	В средней степени	В высокой степени
В сфере коммуникаций, связи	3,9	13,7	82,4
В сфере обслуживания населения	3,9	15,7	80,4
В корпоративном бизнесе	1	27,5	71,6
В сфере медицины (новый технологический уровень)	10,8	19,6	69,6
В науке	9,8	22,6	67,7
В производстве (рост производительности труда, автоматизация, роботизация производства)	6,9	29,4	63,7
В образовании	5,9	32,4	61,8
В сфере международного сотрудничества и партнерства	10,8	27,5	61,8
В среднем и малом бизнесе	9,8	33,3	56,9
В реализации стратегического прорыва в число мировых лидеров	14,7	29,4	55,9
В системе государственного управления (повышение эффективности и социальной направленности)	3,9	42,2	53,9
В государственном секторе экономики	7,8	39,2	52,9
В общении, создании комфортной среды	14,7	41,2	44,1
В аграрной сфере	27,5	35,3	37,3
В пропаганде национальных ценностей, культурно-цивилизационной идентичности	30,4	39,2	30,4
В укреплении единства общества	37,3	43,1	19,6
В политике	39,2	41,2	19,6
В гуманизации общественных отношений, укреплении нравственности	39,2	46,1	14,7

Оценка влияния цифровых технологий на общество (эксперты), %

Влияние цифровых технологий на общество	Скорее не согласен + не согласен	Согласен + скорее согласен
Способствуют технологизации и повышению уровня жизни	2	98
Способствуют гармоничному развитию личности и расширяют возможности самореализации	5,9	94,1
Способствуют достижению равенства в цифровой и сетевой среде	18,7	81,4
Создают новые риски для политического управления	27,5	72,6
Способствуют повышению качества жизни и ее продолжительности у всего населения	34,3	65,7
Порождают новые социальные и гуманитарные проблемы	40,2	58,8
Отношения между людьми становятся менее человечными	50,1	50
Увеличивают социальное неравенство в реальной жизни	56,9	43,1
Уменьшают способности к заботе и помощи	65,7	34,3
Помогают улучшить жизнь только для богатых	86,3	13,7

Глобальные тренды и казахстанский «кейс» развития информационного общества

Со второй половины прошлого столетия в наиболее технологически развитых странах мира ключевой сферой деятельности становится производство, накопление, обработка, передача и использование информации. Информационные сети, центры управления информационными потоками, банки данных превращаются в базовую инфраструктуру, и объем информации, передаваемой через нее, удваивается каждые 1,5–2 года. В развитых странах более 80 % производственных затрат приходится на производство и обработку информации. В США 90 % трудоспособного населения занято в сфере услуг и информатизации, на долю традиционной промышленности приходится 7–8 %, на сельское хозяйство — 2–3 %. В Казахстане на начало 2024 года доля пользователей Интернета составила 92,3 % населения, социальными сетями — 71,5 %; количество мобильных соединений составило 26,24 млн, что эквивалентно 133,1 % численности населения [6], и в большинстве населенных пунктов доступен широкополосный Интернет.

В 2015 году был принят Закон Республики Казахстан «Об информатизации», реализуется ряд государственных программ по развитию информационно-цифровой инфраструктуры («Цифровой Казахстан», «Информационный Казахстан 2020», Национальный проект «Доступный Интернет» и др.), постановлениями правительства утверждены «Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-

коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы» и «Концепция развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы», активно внедряется система «электронного правительства», облегчающая доступ населения к государственным услугам посредством использования информационно-цифровых технологий. В мировом рейтинге электронного правительства ООН Казахстан в 2024 году занял 24 место, по индексу телекоммуникационной инфраструктуры — 41, а по индексу онлайн-услуг вошел в мировой топ-10 [5].

Казахстанцы в целом успешно овладевают навыками применения цифровых ИКТ в разных сферах повседневной жизни: недостаток необходимых компетенций ощущает в основном старшее поколение, а наиболее уверенно ориентируется в Интернете молодежь (табл. 3). Таким образом, Казахстан ступил на путь ускоренного развития информационно-цифровых технологий и их внедрения в институциональную структуру общества и повседневную жизнь граждан со всеми плюсами и минусами, бонусами и рисками, сопровождающими этот путь.

Таблица 3

Как бы Вы оценили свой уровень владения Интернетом? (население), %

Уровень/возраст	18–29	30–39	40–49	50–59	60+	В целом
Очень низкий (навыки практически отсутствуют)	2,1	2,3	3,4	4,5	11,1	4,9
Скорее низкий (базовые навыки, но часто сталкиваюсь со сложностями)	3	4,3	11,9	16,4	19,5	10,8
Средний (базовые навыки, но иногда сталкиваюсь со сложностями)	38,4	53,4	62,9	61,3	55,5	53,5
Высокий (уверенно пользуюсь, сложностей практически не возникает)	38,8	28,5	16,2	11,5	7	20,9
Очень высокий (уверенно пользуюсь, сложностей не возникает)	17,4	11,5	5,1	3,8	1,2	8,1

С тем, что цифровизация в Казахстане — объективный и необратимый процесс технологического развития, выразили полное согласие 73,5 % опрошенных экспертов (частичное согласие — 22,6%). Вместе с тем Казахстан входит в кластер так называемых «высоко контекстуальных культур», т.е. обществ, в которых присущие традиционной культуре знаково-символические коды intersубъективных взаимодействий превалируют над формальной рациональностью и функциональностью

информационно-коммуникативных практик. Поэтому казахстанский опыт информационно-цифровой трансформации повседневности представляет особый интерес — как попытка совместить неписаные правила и ценностно-нормативные комплексы традиционной культуры с принципами социальных взаимодействий в информационном обществе в условиях догоняющей модернизации, что может породить противоречивые тенденции и риски.

Как следует из данных на рис. 1, лишь по нескольким позициям (роботизация людей, снижение материального уровня жизни, углубление социального неравенства) казахстанские эксперты не усматривают серьезных угроз. Большинство экспертов опасаются в меньшей или большей мере негативного влияния цифровизации на различные аспекты жизни казахстанского общества: от угроз интеллектуальной и нравственной деградации, дегуманизации, разрушительного влияния на систему ценностей и культуру общения до расширения возможностей деструктивного воздействия на все население (разжигание вражды, ненависти, призывы к насилию). Что касается населения (рисунок 2), то опасения и тревогу у него вызывают практически все указанные в анкете негативные последствия внедрения цифровых технологий, но особенно киберпреступность, утечка данных и хакерство; распространение ложной информации, в том числе фейков, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта; кибербуллинг; неспособность многих людей обращаться с цифровыми технологиями; потеря рабочих мест, исчезновение ряда профессий.

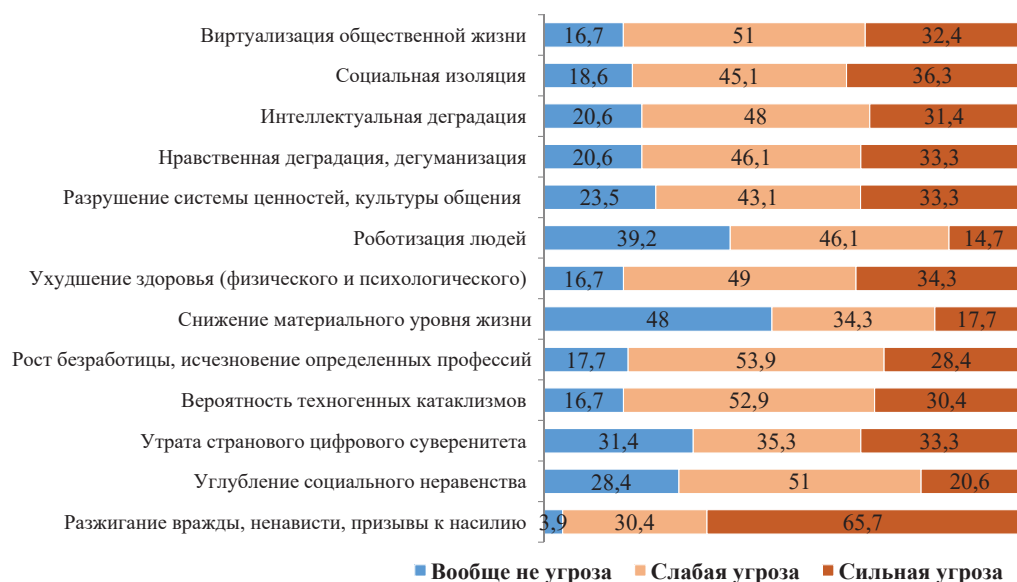


Рис. 1. Риски и угрозы цифровизации для казахстанского общества (эксперты), %



Рис. 2. Опасения и тревоги населения в условиях цифровизации, %

Влияние цифровых технологий на межкультурные взаимодействия

Бурное развитие ИКТ привело к устранению множества идеологических, политических и языковых преград между народами и культурами, что существенно ускорило и усилило взаимодействие между культурными мирами, ценностными системами и образами жизни. В результате появились инновационные формы межкультурного общения, произошли изменения в коммуникативных практиках и культурных компетенциях. Межкультурное взаимодействие, основанное на применении цифровых ИКТ, интегрируется в глобальные информационные сети, преодолевающие государственные границы. Такая интерактивная среда способствует качественной трансформации социокультурной реальности и изменяет ее коды, поэтому наблюдается неизбежное приспособление локальных (национальных, этнических) культур к структурам, логике и механизмам формирования глобального наднационального информационного пространства.

Казахстанские эксперты сходятся во мнении, что цифровизация — объективный и необратимый процесс технологического развития (согласны

с этим 73,5 %, скорее согласны — 22,6 %), безальтернативный путь достижения нацией конкурентоспособности в новых геополитических условиях (56,9 и 39,2 % соответственно), направленный процесс догоняющей модернизации (61,8 и 35,3 %). Большинство экспертов (80,4 % согласных в той или иной степени) склоняются к позитивной оценке воздействия цифровых инноваций на межкультурное взаимодействие (помогают культурам общаться, учат быть терпимее и пр.), но каждый пятый (20 %) выражает обеспокоенность рисками внедрения информационно-цифровых технологий для социальной стабильности, указывая на потенциальную способность этих технологий усиливать фрагментацию общества и повышать вероятность конфликтов.

В литературе встречаются две противоположные позиции относительно влияния информатизации на межкультурное взаимодействие: с одной стороны, оптимистический, позитивный взгляд — революционные изменения в сфере информационных технологий и телекоммуникаций открыли беспрецедентные перспективы для межкультурного диалога. «Процессы глобализации, затронувшие область культурных связей между странами, сделали межкультурную коммуникацию, диалог и полилог культур неотъемлемой частью существования человеческого сообщества» [1. С. 100]. С другой стороны, критическая позиция в оценке влияния глобализации информационно-коммуникативного пространства на локальные культуры объясняется кардинальными изменениями в механизмах информационного обмена между локальными культурами. Глобальное информационное пространство превращается в общую платформу/субстрат одновременного сосуществования всех традиционных культур, но ключевым фактором становится не их прямое общение, а соответствие интеркультурных взаимодействий единым принципам и алгоритмам глобального информационного пространства. При переходе в цифровую среду локальные культуры «адаптируются уже не друг к другу в рамках межкультурного общения, а к единому информационному пространству» [9], что приводит к их постепенному растворению в глобальной информационной системе, чуждой их изначальному ценностному содержанию. Как подчеркивал М. Кастельс, диверсифицированность, мультимодальность электронных информационно-коммуникативных систем позволяет им абсорбировать традиционные культуры, интегрировать в себе все многообразие культурных феноменов, но «цена включения в систему — адаптация к ее логике, к ее языку, к ее точкам входа, к ее кодированию и декодированию» [5. С. 353].

В информационном обществе по сравнению с эпохой классического модерна существенно трансформируется межкультурное взаимодействие — вместо полноценного диалога культур наблюдается их гомогенизация, при которой интеграция культурных контекстов осуществляется не на основе их уникальности и различий, а через поиск и усиление общих черт согласно

заданным стереотипам и алгоритмам. В результате информационное взаимодействие сводится к обмену общими смысловыми структурами-фреймами, что существенно обедняет культурный обмен: «Краеугольным камнем в теории информации является презумпция того, что разнообразные сообщения, имеющие самые различные содержания... могут быть переведены на общий язык, а информация, которую эти сообщения несут, может быть количественно измерена» [15. С. 428]. При таком подходе диалог культур утрачивает свой глубокий смысл, хотя именно «познание области несовпадения (исходного непонимания) культур обогащает их новыми смыслами и новыми ценностями, хотя и затрудняет общение» [9].

Качественные изменения субъекта трансформации общественной среды

В информационном обществе цифровые технологии превращаются в матрицу, программный алгоритм генерации социальных смыслов и ценностей, затем в субстрат и, наконец, в субъект этого процесса: «Компьютер — это не медиум и не инструмент, но новый тип социкультурного агента», в функции которого входит «рефигурация социальных взаимодействий» [2. С. 379]. Логика и принципы этой рефигурации все быстрее ускользают от человеческого постижения, и человек как социальный субъект оказывается «за бортом» живущего собственной «жизнью» цифрового социума, причем появление управляющих систем, заменяющих человека, расценивается как положительное последствие цифровизации. В аксиоматике конструирования цифрового социума человек утрачивает статус единственного субъекта выработки и принятия решений, формирования политической, социальной и культурной повестки, планирования и управления собственной социальной жизнедеятельностью. Контроль и управление процессами, выстраивающимися по технологиям блокчейна и Big Data, практически недоступны для человека без использования этих же технологий. В результате «процедуры личностного понимания и генерации индивидуальных когнитивных смыслов (знания) активно заменяются „механической“ трансляцией информации в сетях социальной коммуникации» [8. С. 251]. Циркуляция информационных потоков превращается в автономный, самостоятельный процесс: «Сетевой индивид — это уже больше не автономный субъект, которого превозносила либеральная теория... наша личность оказывается размазанной по глобальной сетке узлов и связей» [3. С. 45].

Парадигма технологического детерминизма в интерпретации процессов цифровизации утверждает, что цифровая сеть как новая социальная среда не отражает структуру общества, а формирует ее по математическим технологическим алгоритмам и стандартам. Структурное тождество и односторонность векторов социальной эволюции и развития информационных технологий наделяет качеством субстанциальности мир, сфабрикованный

из финансовых потоков и управляемый электронными сетями. «Цифровая реальность — это карта, которая фактически становится территорией, интерпретация, которая фактически становится событием» [12. С. 17]. Эта новая реальность обладает независимостью от социального контроля, стоит над обществом, государственными границами и т.д. «Профиль единого киберпространства существует поверх рамок и норм „доцифровых“ — физического, биологического, психологического и социально-политического — пространств, интегрируя и преломляя их в мире цифровых вещей и коммуникаций, высвобождающемся из-под гравитации физической предметности, радикально меняя статус и поведение информационных объектов и процессов» [13. С. 17].

Сотканые информационными технологиями глобальные сети составляют «новую социальную морфологию» (М. Кастельс): сетевые структуры пронизывают социальный мейнстрим, а «безродная» сетевая логика и имманентная аксиоматика контуров и цепей информационных потоков, свободных от дополнительных социокультурных кодировок, становятся парадигмой онтологических трансформаций социальной реальности. Гиперпространство сетевых структур информации и время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, освобождаются от связи с конфигурациями пространства и ритмом времени реальной жизни. Вместе с тем отличительным свойством информационных процессов в информационном обществе является их интерактивность — такая организация информационно-коммуникативного пространства, в которой роли отправителя и получателя становятся транзитивными, взаимозаменяемыми. В контексте становления нового интегрированного субъекта трансформации общественной среды в условиях цифровизации принцип транзитивности информационных процессов оборачивается проблемой налаживания механизма прямых и обратных связей между «слышащим государством» и самоорганизующимся гражданским обществом. Цифровые технологии, по мнению респондентов, в значительной степени повысили качество услуг и эффективность работы государственных органов и учреждений (табл. 4).

Информационно-цифровые технологии, предоставляя оптимальные с точки зрения субъекта выборы и решения, заменяют инстанцию разума (рационального суждения) и инстанцию выбора (свободы воли). Интеллектуальная и нравственная автономия субъекта как основа просвещенческого императива опоры на собственное рациональное суждение (кантовское *Sapere aude!*) делегируется алгоритмам обработки массивов информации. Самообучающиеся системы искусственного интеллекта могут принимать практически самостоятельные решения, но передавать им политическое управление, за исключением части политических функций (допускают 36,3 % опрошенных), эксперты считают неправильным и неосмотрительным (категорически против 59,8 %).

Таблица 4

**Изменения качества государственных услуг
с введением цифровых технологий (население), %**

Оценки	Согласен	Не согласен	з/о
Улучшились доступность и качество госуслуг	65,1	24,2	10,8
Улучшились получение и передача информации в госорганы и учреждения	60,7	25,7	13,6
Улучшились оплата налогов, сборов, госуслуг, услуг бюджетных учреждений и организаций	72,9	16,7	10,5
Повысилась доступность услуг (очереди на жилье, запись в детсады, школы, регистрация брака, получение документов, справок и др.)	68,8	20	11,2
Улучшилось качество медицинских услуг (через портал)	40,8	47,7	11,6
Улучшилось качество и прозрачность образовательного процесса	46,5	31,8	21,8
Улучшилась реализация гражданских прав и обязанностей (участие в выработке и принятии решений, подаче обращений и петиций, обсуждении проектов законов)	47,1	32,4	20,6
Улучшились качество и оперативность рассмотрения жалоб и обращений граждан	48,6	33,4	18,1
Повысилась защита и безопасность личных данных, понизились риски коррупции и злоупотреблений, упрощены процедуры взаимодействия с государственными органами	36,6	49,1	14,3

Заключительные экспертные оценки качественных изменений субъекта трансформации общественной среды в условиях цифровизации приведены в табл. 5, где прогнозируется ее влияние на различные сферы жизнедеятельности казахстанского общества в будущем: эксперты не дают однозначно позитивных оценок расширению влияния цифровизации на личность, общественные структуры и социальные институты.

**Оценки влияния на развитие казахстанского общества
последствий цифровизации (эксперты), %**

Последствия	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно
Неограниченный доступ к информации	43,1	28,4	19,6	8,8
Реальная жизнь людей все больше замещается виртуальной и растет роль социальных сетей	6,9	21,6	52,9	18,6
Виртуальная среда все сильнее влияет на то, как люди учатся взаимодействовать по мере взросления	20,6	42,2	28,4	8,8
Виртуальная среда все больше влияет на то, как этнические группы учатся взаимодействовать внутри себя и с другими группами и обществом	30,4	52	10,8	6,9
Виртуальная среда все больше влияет на то, как люди учатся быть частью общества и выполнять гражданские обязанности	32,4	47,1	12,8	7,8
Виртуальная среда все сильнее влияет на то, как люди формируют свои убеждения и взгляды	7,8	26,5	47,1	18,6
В профессиональной среде становится все важнее иметь хорошие цифровые знания и навыки, чтобы быть конкурентоспособным	66,7	30,4	2,9	0
Перенос значительной части межличностного общения в виртуальное пространство	7,8	35,3	45,1	11,8
Возрастание влияния блогеров и лидеров общественного мнения на массовое сознание	11,8	34,3	37,3	16,7
Администрация не способна контролировать то, что публикуется в социальных сетях	13,7	32,4	25,8	28,4
Возможность анонимно публиковать свою точку зрения в интернет-пространстве	30,4	35,3	24,5	9,8
Желание людей открыто демонстрировать частную жизнь в социальных сетях	8,8	40,2	36,3	14,7
Использование информационных технологий и возможностей для направленного влияния на сознание	10,8	34,3	34,3	20,6

Казахстанские эксперты негативно оценивают многие направления и последствия влияния информационно-цифровых технологий на развитие общества, следуя общему тренду в мировой аналитике цифровизации. Например, в 2018 (N — около 1000) и 2023 (N — около 300) году «Pew Research Center» провел экспертный опрос на тему «Искусственный интеллект и будущее человечества», попросив респондентов (ведущие специалисты в области информационно-цифровых технологий, лидеры в сфере бизнеса и политики,

известные ученые, общественные деятели) назвать как полезные и ценные, так и вредные и угрожающие последствия внедрения цифровых технологий в основные сферы жизни человека и общества через 10–15 лет. В 2018 году 63 % респондентов выразили надежду, что в 2030 году жизнь большинства людей под воздействием высоких технологий изменится к лучшему, 37 % сомневались в этом [18]. В 2023 году 18 % были «скорее воодушевлены, чем обеспокоены» ожидаемыми изменениями, 42 % — «в равной степени воодушевлены и обеспокоены» изменениями в эволюции системы «люди плюс технологии», которые, по их ожиданиям, произойдут к 2035 году, 37 % — «скорее обеспокоены, чем воодушевлены» [19]. Очевидна тенденция роста пессимистических оценок мировым экспертным сообществом перспектив воздействия цифровых технологий на многие ключевые элементы жизнедеятельности человека и общества.

Цифровизация в Казахстане — объективный, востребованный, но в то же время чрезвычайно противоречивый процесс технологического развития информационного общества. В условиях постоянно ускоряющейся трансформации технологической среды в повседневной жизни человек оказывается перед императивным требованием перманентного отказа от накопленного тезауруса типичных форм и навыков поведения и мышления, от усвоенных в процессе социализации фреймов интерпретации смысла и ценности фактов, событий и ситуаций, их знаков и символов. Так, навыки верховой езды неприменимы к управлению автомобилем, но и последнее умение становится излишним для пользователя беспилотного транспорта, которому необходимые компетенции работы с интерфейсом искусственного интеллекта.

Демонтаж базовой для традиционной культуры системы фреймов и переход механизмов их генерации в метавселенную «реальной виртуальности» (М. Кастельс) приводят к тому, что повседневность становится завораживающе и раздражающе изменчивой, как в путешествии Алисы в кроличью нору. Повседневность из сферы непосредственно данной, самоочевидной, неоспоримой первопорядковой реальности, типичных ситуаций и рутинных действий превращается в сферу стратегической нестабильности, фундаментальной неопределенности и непредсказуемости, для описания и анализа которой подходит разработанная Н. Талебом концепция «черных лебедей». «Черный лебедь» — это событие, которое: аномально, ибо ничто в привычном ходе вещей его не предвещало; порождает сильный эффект; требует интерпретации *post factum* как объяснимое и предсказуемое. Также Талеб вводит категорию «серых лебедей» — это события, которые могли ожидаться, но их свойства и параметры неопределимы и невычислимы. Повседневность эпохи модерна — это мир «белых лебедей», в котором изредка встречаются их черные и серые собратья, а нынешняя информационно-цифровая повседневность — мир «черных» и «серых лебедей».

Согласно А. Шюцу, «в обыденном мышлении повседневной жизни все, что бы ни происходило, не может ожидаться в точности таким, каким оно, свершившись, оказывается, и все, чего бы мы ни ожидали, никогда не будет происходить так, как ожидалось» [17. С. 677]. Когда бремя решений перекладывается на самообучающиеся системы искусственного интеллекта, алгоритмы работы которых пишутся разработчиками, но затем генерируются самими системами, диапазон обозначенных Шюцем расхождений многократно расширяется: «Системы искусственного интеллекта из-за их сложности и отсутствия контроля со стороны человека могут демонстрировать неожиданное поведение или принимать решения с непредвиденными последствиями» [21]. Мы пока еще с трудом понимаем, если вообще понимаем, сущность преобразований, которые происходят с нашим обществом — культурой, экономикой, политикой, духовно-нравственной сферой, вследствие того что информационно-цифровые системы становятся социальными агентами, а люди интегрируются в оцифрованные программные миры. Все больше аспектов нашей жизни зависит от информационно-цифровой среды или протекают в ней, и по мере того, как эта среда становится все более обширной и сложной, ее влияние скорее всего будет усиливаться. Повседневная жизнь все больше будет определяться системами взаимодействия человека и технологий, открывающими ранее невообразимые возможности и создающими беспрецедентные угрозы. В этой связи социологический мониторинг особенностей восприятия и оценки информационно-цифровой трансформации повседневности становится первоочередной задачей нашей науки.

Информация о финансировании

Исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR28713047 «Искусственный интеллект и этика социальной справедливости: концептуальное осмысление возможностей и рисков в процессах модернизации общества в Казахстане»)

Библиографический список

1. *Берестовская Д.С.* Глобализация и культура // Культура народов Причерноморья. 2003. № 46.
2. *Галкин Д.В.* Интерактивность // Социология. Минск, 2003.
3. *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.
4. Казахстан занял 24 место в мировом рейтинге электронного правительства ООН. URL: [//www.gov.kz/memleket/entities/mdai/press/news/details/847800?lang=ru](http://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/press/news/details/847800?lang=ru).
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
6. Количество интернет-пользователей в Казахстане составило 18,19 млн человек. URL: <https://the-tenge.kz/articles/internet-i-kazakhstan>.
7. Концепция развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы. URL: <https://govtec.kz/assets/media/kontseptsiya-26062024-1500.pdf>.
8. *Лазаревич А.А.* Становление информационного общества: коммуникативно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания. Минск, 2015.
9. *Миронов В.В.* Информационное пространство: вызов культуре // Информационное общество. 2005. № 1.

10. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
11. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
12. Подопригора А.В. Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума // Социум и власть. 2019. № 1.
13. Подопригора А.В. Число и цифра: пифагорейская традиция и метафизика цифровой реальности // Научный ежегодник Института философии и права УО РАН. 2018. Т. 18. № 3.
14. Прокудин Д.Е. От «информатизации» к «цифровизации» // Философская аналитика цифровой эпохи. СПб., 2020.
15. Семенков О.И. Информация // Всемирная энциклопедия: Философия. Минск, 2001.
16. Троцук И.В., Дурсина А.Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1.
17. Шюц А. Тиресий, или наше знание будущих событий // Шюц А. Избранное: Мир, священный смысл. М., 2004.
18. Artificial Intelligence and the Future of Humans by J. Anderson, L. Rainie. 10.12.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2018/12/10/concerns-about-human-agency-evolution-and-survival>.
19. As AI Spreads, Experts Predict the Best and Worst Changes in Digital Life by 2035 by J. Anderson, L. Rainie. 21.06.2023. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2023/06/21/as-ai-spreads-experts-predict-the-best-and-worst-changes-in-digital-life-by-2035>.
20. Khan Sh. Leadership in the Digital Age — a Study on the Effects of Digitalization on Top Management Leadership. Stockholm, 2016.
21. Marr B. The 15 Biggest Risks of Artificial Intelligence. 2.06.2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/06/02/the-15-biggest-risks-of-artificial-intelligence/?sh=2945365f2706>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-716-733

EDN: KIXIRF

Information-digital transformation of everyday life in expert assessments and public perception (Kazakhstan)*

V.Yu. Dunaev, V.D. Kurganskaya, A. Sagikyzy, Z.K. Shaukenova

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science
of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan,
Kurmangazy St., 29, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan

(e-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz; vkurganskaya@mail.ru,
ayazhan@list.ru; zarema_13@bk.ru)

Abstract. Today informatization and digitalization are the only viable megatrend for innovative social transformation; however, the rapid development and global spread of digital information and communication technologies (ICT) have led to complex, multifaceted problems

*© V.Yu. Dunaev, V.D. Kurganskaya, A. Sagikyzy, Z.K. Shaukenova, 2025

The article was submitted on 28.07.2025. The article was accepted on 14.10.2025.

and ambiguous consequences. Public perception of everyday life as an immediately given, self-evident, first-order reality, as it was in the recent past, has changed — in the information society, everyday life transforms into an area of strategic instability, fundamental uncertainty and unpredictability. The article outlines the features of public perception and evaluation of the impact of informatization and digitalization on the everyday life in Kazakhstan. The article is based on the data of sociological research conducted in 2024 by the BRIF Research Group at the request of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies with the methods of mass survey (standardized interview, N=2000, sampling error — 2.19 %) and expert interviews (N=102 — managers, employees, IT specialists of government bodies, local authorities and various organizations, employees of research institutes and university professors in social, humanitarian and information technology disciplines, bloggers and journalists). The article describes the following key aspects and main directions of the influence of informatization and digitalization on the everyday life in Kazakhstan: impact of digital technologies on the Kazakhstani society and contexts of its sociological analysis; global megatrends in the development of the information society and its features in Kazakhstan; impact of digital technologies on intercultural interactions; qualitative changes in the subject of transformation of the social environment under digitalization. The study summarizes positive and negative assessments of various areas and aspects of informatization of everyday life in Kazakhstan by the public and experts.

Key words: information; digitalization; everyday life; Internet; social networks; artificial intelligence; mass consciousness; expert community; Kazakhstan society

For citation: Dunaev V.Yu., Kurganskaya V.D., A. Sagikyzy, Shaukenova Z.K. Information-digital transformation of everyday life in expert assessments and public perception (Kazakhstan case). *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (4): 716–733. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-716-733>

References

1. Berestovskaya D.S. Globalizatsiya i kultura [Globalization and culture]. *Kultura Narodov Prichernomor'ya*. 2003; 46. (In Russ.).
2. Galkin D.V. Interaktivnost [Interactivity]. *Sotsiologija*. Minsk; 2003. (In Russ.).
3. Greenfield A. *Radikalnye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni* [Radical Technologies: The Design of Everyday Life]. Moscow; 2018. (In Russ.).
4. Kazakhstan zanjal 24 mesto v mirovom rejtinge elektronnoho pravitelstva OON [Kazakhstan took 24th place in the UN Global E-Government Ranking]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/press/news/details/847800?lang=ru>. (In Russ.).
5. Castells M. *Informatsionnaja epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow; 2000. (In Russ.).
6. Kolichestvo internet-polzovatelej v Kazakhstane sostavilo 18,19 mln chelovek [The number of Internet users in Kazakhstan amounted to 18.19 million]. URL: <https://the-tenge.kz/articles/internet-i-kazakhstan>. (In Russ.).
7. Kontseptsija razvitija iskusstvennogo intellekta na 2024–2029 gody [The Concept of Artificial Intelligence Development for 2024–2029]. URL: <https://govtec.kz/assets/media/kontseptsiya-26062024-1500.pdf>. (In Russ.).
8. Lazarevich A.A. *Stanovlenie informatsionnogo obshchestva: kommunikativno-epistemologicheskie i kulturno-tsivilizatsionnye osnovanija* [Development of the Information Society: Communicative, Epistemological and Cultural-Civilizational Foundations]. Minsk; 2015. (In Russ.).
9. Mironov V.V. Informatsionnoe prostranstvo: vyzov kulture [Information space: A challenge to culture]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2005; 1. (In Russ.).

10. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
11. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseniy (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
12. Podoprigora A.V. Iskusstvenny intellekt kak diskurs samopoznaniya i samoorganizatsii tsifrovogo sotsiuma [Artificial intelligence as a discourse of self-knowledge and self-organization of the digital society]. *Sotsium i Vlast*. 2019; 1. (In Russ.).
13. Podoprigora A.V. Chislo i tsifra: pifagorejskaja traditsija i metafizika tsifrovoj realnosti [Number and digit: Pythagorean tradition and metaphysics of digital reality]. *Nauchny Ezhegodnik Instituta Filosofii i Prava UO RAN*. 2018; 18 (3). (In Russ.).
14. Prokudin D.E. Ot “informatizatsii” k “tsifrovizatsii” [From “informatization” to “digitalization”]. *Filosofskaja analitika tsifrovoj epokhi*. Saint Petersburg; 2020. (In Russ.).
15. Semenov O.I. Informatsija [Information]. *Vsemirnaja entsiklopedija: Filosofija*. Minsk; 2001. (In Russ.).
16. Trotsuk I.V., Dursina A.N. Tsifrovoy vektor razvitiya kommunikatsii mezhdru vlastyu i naseleniem v sovremennom rossiyskom obshchestve [Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1). (In Russ.).
17. Schutz A. Tiresias, ili nashe znanie budushchih sobytij [Tiresias, or our knowledge of future events]. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetjashchij smyslom*. Moscow; 2004. (In Russ.).
18. Artificial Intelligence and the Future of Humans by J. Anderson, L. Rainie. 10.12.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2018/12/10/concerns-about-human-agency-evolution-and-survival>.
19. As AI Spreads, Experts Predict the Best and Worst Changes in Digital Life by 2035 by J. Anderson, L. Rainie. 21.06.2023. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2023/06/21/as-ai-spreads-experts-predict-the-best-and-worst-changes-in-digital-life-by-2035>.
20. Khan Sh. *Leadership in the Digital Age — a Study on the Effects of Digitalization on Top Management Leadership*. Stockholm; 2016.
21. Marr B. The 15 Biggest Risks of Artificial Intelligence. 2.06.2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/06/02/the-15-biggest-risks-of-artificial-intelligence/?sh=2945365f2706>.